

«Средь суеты и рутины бумажной, в каждой судьбе возникает Однажды...»

Говорят, не родись красивой, а родись счастливой. Но я никогда не верила этим словам. Мне казалось, что если женщина некрасива, ей не стать счастливой. Передо мной всегда были примеры того, как вокруг красивых девчонок мальчишки вились толпами, оказывали знаки внимания, по праздникам дарили цветы. На торжества в детском саду и школе воспитатели и учителя давали самые почетные роли для сцены, предлагали участвовать в конкурсах красоты. Тогда мне казалось – это и есть счастье, когда ты купаешься во всеобщем внимании, признании и любви. Мне же, увы, не повезло. Мама не смогла передать мне даже частицу своей красоты. Серенькие глаза вдобавок к такого же оттенка волосам сделали из меня совсем незаметную мышку. Парни меня не замечали, для них я была хорошим другом или страшненькой подружкой их избранниц. Сначала я сильно переживала, но вскоре смирилась со своей судьбой и, поняв, что никогда не стану красивой, решила стать лучшей студенткой вуза, в который поступила после окончания школы. Пусть маленькая, надежда не покидала мою душу, что когда-нибудь я встречу свое счастье.

Родители радовались моим успехам, их вовсе не тревожило мое одиночество. Мама была уверена, что счастье меня само найдет, отец был твердо убежден, что сам найдет мне жениха. В его фантазиях отец сам должен сначала узнать о семье будущего мужа дочери, после познакомиться с его родней, а уж потом дать ответ, подходит избранник или нет. Вечерами родитель готовил темы для разговоров с несуществующим женихом и его семьей, тесты и подвохи, для того чтобы узнать перспективы. Мама убеждала его не выдумывать, а вспомнить, как они сами познакомились. На несколько дней отец отступал от своих планов, но, спустя неделю, снова с энтузиазмом начинал рассуждать, кого видит в качестве моего будущего мужа...

Затишье отца было связано с воспоминаниями о том, как встретил маму на своем пути. В советские времена студенты всех учебных заведений должны были осенью отправляться на сбор урожая в соседние совхозы, а также полноценно участвовать в общественной жизни своих институтов. Так, после очередного общественного задания фотограф предложил студентам разных факультетов сесть на лавку для общего фото. Рядом с отцом села мама. Она так понравилась молодому студенту, что робкий долговязый скромный парень решил познакомиться с юной красоткой. С тех пор в нашем доме праздновались два события: день знакомства, навсегда перевернувший жизнь студентов, и день свадьбы, знаменующей о создании новой семьи.

На мой провокационный вопрос, что случилось бы, если родители мамы были бы против её союза с ним, отец отвечал, что он являлся лучшим на курсе, был хорош собой и не мог быть отвергнут родителями мамы. Мама улыбалась и тихонько говорила, что её родители к моменту окончания ею школы крепко выпивали и вовсе не заботились о будущем дочери. У них давно были иные ценности, вряд ли они помнили имя маминого спутника, на их свадьбу они так и не приехали. Однако папа не унимался и без конца утверждал, что был идеальным, поэтому его союз с мамой ни у кого не мог вызвать сомнений.

Идеальность отец старался проявить во всём. Учитывая красный диплом инженера, он получил неплохое назначение на крупный завод города, где учился. В работе старался проявить себя как принципиальный специалист, при обнаружении неполадок и сложностей ставил руководство в известность, требуя наказания для виновных, настаивал на списании устаревшего оборудования, часто писал докладные «наверх», в связи с чем в скором времени стал вызывать недовольство среди начальства. По пятницам с работягами не пил, в баню с коллегами не ходил, с женщинами романы не крутил, разговоры о похождениях мужиков не поддерживал, слабости коллег осуждал, обожал оставаться на работе сверхурочно, чтобы исполнить поставленные задачи, премии никогда не просил, любил общественную нагрузку. За что недовольство к нему стали испытывать и те, кто работал рядом. Когда начался этап повального сокращения, отца включили в список под номером один. Для него это был настоящий удар. Он никак не мог понять, как можно было избавиться от такого ценного сотрудника. Рассуждения мамы о том, что нужно пересматривать отношение к людям, успехов не принесли. Вместо этого отец нашел самый простой способ – срываться на домашних. В доме стало невозможно находиться. Бесконечные претензии, крики, скандалы. Отец вдруг стал дико ревновать маму к каждому фонарному столбу. Он не заливал свои неудачи огненной водой, не играл в карты, не спускал деньги на женщин, но жить с ним стало невыносимо. Я видела, как мама страдала, и впервые осознала, что даже такую красивую женщину, как она, может покинуть счастье, которого у меня просто-напросто не будет никогда.

Она жалела отца и надеялась, что их совместная жизнь когда-нибудь снова наполнится смыслом. К моменту окончания школы отцу предложили работу в другом городе. Неделью он жил и трудился там, на выходные приезжал домой. Появление дохода и стабильность на работе вернули отцу уверенность в себе. В доме снова воцарился мир и покой. Но ненадолго...

На первом курсе в университете мною увлекся декан факультета. Будучи старостой группы, я часто заходила в деканат, заполняла документы по посещаемости студентов, отвечала за получение учебной литературы. Андрей Сергеевич был моложе отца на два

года. Сначала я и поверить не могла, что такой взрослый, мудрый мужчина может увлечься мной – глупой невзрачной девчонкой. К тому же декан был много лет женат, что, безусловно, не давало мне возможности даже надеяться на наш союз. Но Андрей Сергеевич смог найти такие слова, в которые я поверила абсолютно. Он утверждал, что давно не любит свою супругу, хочет развестись, к тому же я впервые услышала, что прекрасна. Сердце моё расцвело, будто вишневые сады весной. Его коммуникабельность, деловой подход к работе, спокойный уравновешенный характер дарили мне ощущение, что мы созданы друг для друга...

Рассказать о своем романе я решилась только маме. Она была потрясена моим признанием. Стала объяснять, что я всего лишь игрушка в руках опытного мужчины, была в ужасе оттого, как отец отреагирует, узнав о сверстнике в своем доме, ведь его план по поиску молодого нетронутого пороками жениха имел уже готовый вид. Мама долго сокрушалась из-за моего малодушия, требовала прекратить эту связь. В ответ я повторяла её слова, что счастье нашло меня само. Мама призывала меня прийти в себя и трезво оценить обстановку. Утром она собралась в университет, чтобы потребовать у Андрея Сергеевича оставить меня в покое. Вечером мама встретила меня в слезах, уже спокойным тоном она объяснила, что знает таких деканов как облупленных, он жарко говорил ей о нашей любви, но она была уверена, что тот никогда не разведется.

Я не поверила маме, ведь так долго мечтала о счастье и не собиралась сдаваться. С Андреем Сергеевичем мы встречались почти каждый день, но через полгода нашего романа я набралась смелости и спросила о нашем завтра. Он уклончиво сказал, что пока не может развестись, потому как его супруга чем-то серьезно больна и не сможет сейчас остаться одна...

Эта же история повторилась через год наших отношений. К тому времени отец стал рассказывать о двух семьях, где есть приличные сыновья, которые могут претендовать на место моего мужа. Мама только грустно улыбалась, пожимала плечами и уходила от разговора...

В начале третьего курса я поняла, что беременна. Эта новость привела меня в восторг. Та глупая поговорка приобрела смысл. Я любила, была любима, носила под сердцем плод нашей любви и, будучи некрасивой женщиной, была очень счастливой.

Андрей Сергеевич был в командировке, поэтому первой, кому я рассказала о своем

счастье, была мама. Но она вместо восторга закрыла руками глаза и горько заплакала. Я обняла её и попросила так не убиваться, ведь теперь-то мы точно должны пожениться. Она резко перестала плакать и сказала, что с отцом мне придется объясняться самой. Махнув рукой, я ответила: «Главное, что счастье улыбнулось мне», – и думала, отец это поймет. Как я ошибалась! Никогда прежде он так не кричал на меня. Отец метался по дому, швырял всё, что попадало под руку, проклинал, требовал срочно сделать аборт. Затем он схватил меня за плечи, начал трясти, с налитыми кровью глазами требовал объяснить, почему я его так подвела. Потом рухнул в кресло и заплакал. Я не знала, как себя вести, через секунду предложила успокоиться и принять всё как есть. Отец вытер слезы и сказал, что если я буду продолжать встречаться со своим возлюбленным, я ему больше не дочь. Потом снова полился поток грязных слов в мой адрес, и еще два часа я слушала, какая я неудачница, идиотка и дура...

Мне казалось, что всё плохое позади, но я ошибалась. Следующий удар я получила от своего возлюбленного. Андрей Сергеевич, который тоже предложил сделать аборт. Он сказал, что история любви хороша до тех пор, пока в ней не появляются дети, и положил на край стола деньги, которые достал из портмоне. Я не могла поверить в то, что видела и слышала. Залепила ему пощечину и выскочила из кабинета. Счастье разлетелось на мелкие осколки, словно кто-то с размаху запустил в стену хрустальную вазу. Родителей я сделала несчастными, любимый мужчина оказался подлецом. Возвращаться домой мне не хотелось, но идти было некуда. Казалось, что моя жизнь закончилась, но я уже была не одна, маленькое сердечко уже билось вместе с моим, ради него я должна была придумать, что делать дальше...

Целый день я бродила бесцельно по улицам, к вечеру, окончательно замерзнув, решила вернуться домой. Сбросив обувь, я прошла в свою комнату, упала на кровать и горько заплакала. Родители без слов поняли в чём дело. Мама предложила поужинать. Отец злобно процедил: «Я же говорил, что ты дура...», хлопнув дверью, вышел из моей комнаты. Так закончился первый вечер моей новой жизни...

Несколько недель моей беременности прошли, словно в кошмаре. У меня начался страшный токсикоз, мутило от любого запаха, отец изводил меня расспросами, как я дальше собираюсь жить без профессии и денег, выходить из дома с животом, когда все соседи знают, что я не замужем, воспитывать ребенка без поддержки супруга и т.п. Мама мучила претензиями по поводу того, что она меня ничему не смогла научить. Когда октябрь подошел к концу, я решила сделать аборт и отправилась в поликлинику для уточнения всех необходимых нюансов.

Меня встретила приветливая улыбчивая женщина-гинеколог, уточнив фамилию и отчество, сказала, что жила в соседнем доме той самой деревни, где родился и вырос мой отец. Забыв, что я пациент, стала рассказывать о том, что родители отца всегда гордилась сыном, поскольку он единственный из пяти детей успешно окончил школу и получил высшее образование. Во дворе все знали, что мой отец непременно должен был стать ученым. Но после смерти его родителей Софья Егоровна больше отца в деревне не видела, хотя все его братья и сестры так и остались жить там. Мне нечего было добавить к истории о семье отца. В нашем доме эта тема не обсуждалась, о проблемах или конфликтах никто мне ничего не рассказывал. Проявив вежливость, я сказала, что передам отцу привет, но напомнила, для чего пришла с визитом...

Софья Егоровна с неподдельным вниманием выслушала мою историю, глубоко вздохнула и стала смотреть мою амбулаторную карту. С тех пор как в моей жизни появился Андрей Сергеевич, я забыла о женских проблемах, которые сопровождали меня с юности, поэтому сама удивилась внушительной толщине карты. Доктор еще несколько минут полистала её и, резко захлопнув, сказала: «Деточка, если ты сейчас сделаешь аборт, ты останешься бесплодной навсегда. Эта и так чудо, что у тебя получилось забеременеть, потому как, судя по выводам других врачей, это было невозможно...» После врач осмотрела меня, попросила не плакать, потому как это вредит ребенку. В свою очередь обещала мне свою помощь...

Мой приход домой снова разжег в доме скандал. Отказавшись от еды, я ушла к себе в комнату. Перед сном мама зашла ко мне и сказала, чтобы я потерпела унижительные высказывания отца в мой адрес. Она уверяла, всё происходит из-за того, что отец сильно переживает за меня. У меня не было сил спорить, я просто хотела тишины и покоя. Мама поцеловала меня в затылок и ушла к себе в комнату.

Доктор Софья Егоровна исполнила свое обещание. Записав мой домашний адрес, она была в нашем доме уже на следующий день. Отец встретил свою бывшую соседку настороженно. Сначала он подумал, что это «переговорщик» от его сестер и братьев, но, когда услышал, что речь пойдет обо мне, выдохнул и стал проявлять явное равнодушие. Врач прошла на кухню, закрыла за собой дверь и без остановки, жестким тоном объяснила всю сложность моего здоровья и последствий, на которые тот толкал меня уже целый месяц. К моему удивлению, отец не произнес ни звука. Потом она стала говорить тише, слов было не разобрать, уходя, сказала, что дети – это счастье, и не важно, как и когда они появились...

В своей комнате я боялась пошевелиться. Через час отец зашел и сказал, что мне

удалось найти отличного адвоката. Извинений он просить никогда не умел, но по взгляду я поняла, что всё изменилось. Так и случилось. С тех пор в доме было много фруктов, свежей рыбы, вкуснейшего сока. Отцу на службе предложили командировки по другому графику: один месяц на работе, неделя дома. Вскоре в нашей квартире воцарился покой...

В университете я отказалась от работы старосты, с деканом почти не встречалась. Однако на пятом месяце беременности Андрей Сергеевич сам меня нашел. Он вдруг снова вспылал ко мне прежними чувствами, сказал, что всё осознал и хочет начать с начала. В объятиях всё еще любимого человека я не стала долго раздумывать и согласилась. В очередной приезд отца домой я объявила, что решила связать свою жизнь с отцом ребенка. После долгих уговоров мой родитель согласился на знакомство. Встреча была очень напряженной, в комнате витало ощущение, будто электрические лампочки вот-вот должны взорваться. Тем же вечером я переехала жить на съемную квартиру своего возлюбленного.

Счастье было недолгим. К нам в дом каждый день стала приходить супруга Андрея Сергеевича. Румяная, абсолютно здоровая полноватая женщина, с остатками бывшей красоты объяснила, что они просто в ссоре, и у меня нет причины думать, что отношения со мной настоящие. Андрей Сергеевич прятал от меня глаза и вяло просил супругу уйти. После нескольких дней таких посещений у меня случился нервный срыв, мне стало очень плохо. Врачи предупредили об угрозе выкидыша и положили меня на месяц в больницу. После выписки Андрей Сергеевич предложил пожить у мамы, пока сам решит свои семейные проблемы. Я согласилась, но была очень удивлена, увидев в коридоре дома родителей мои аккуратно сложенные вещи со съемного жилья. Андрей Сергеевич сказал, что всё позже объяснит, но больше не появлялся...

Снова ночные слезы, тоска и боль стали моими спутниками. Отец грозился убить декана, меня мама просила не вредить ребенку своими страданиями. Так прошло еще несколько месяцев. Когда подошло время рожать, отец сам купил всё что нужно. Выбрал кровать, собрал тревожную сумку (в те времена роженица должна была принести всё необходимое для ребенка и родов сама), ванночку, оборудовал пеленальный стол, распашонки и прочие мелочи.

Проснувшись весенним утром, я почувствовала себя нехорошо. Мама вызвала скорую помощь, но равнодушный женский голос в трубке заявил, что машин нет, придется ждать около сорока минут. Отец был в ярости. Он схватил тревожную сумку и выскочил на улицу в поисках такси. В роддом меня везли как принцессу.

В родовом отделении пояснили, что мы приехали слишком рано, но врачи решили оставить меня понаблюдать несколько дней. Отец снова метался по приемному покою. Требовал встречи с главным врачом и гарантий, что со мной ничего не случится. Грузная санитарка, мотая тряпкой по полу, грубо усмехнулась и ответила, что со мной уже всё случилось, «залетеха...» и громко захохотала. Родителям пришлось оставить меня там...

Ночью мне стало еще хуже. Нехотя врачи осмотрели меня и вдруг почему-то оживились. Толком не объяснив, что случилось, через час меня готовили к операции. Не проверив мои данные при поступлении, анестезиолог ошибся с объемом наркоза. Несколько часов после операции я не могла прийти в себя. Когда очнулась, надо мной стояли несколько врачей в масках, со словами «ну слава Богу», меня перетащили на каталку и отвезли в палату. Боль внизу живота была невыносимой, голова кружилась, будто меня долго катали на каруселях, всё время тошнило и бил озноб. Так я встретила первый рассвет своего материнства. О здоровье моей дочери я узнала только с приходом педиатра в отделение. Последствия наркоза сказались и на ней. От постоянной рвоты она резко потеряла в весе, началось обезвоживание. Кормить грудью первые дни мне запретили, а доченьке всё время ставили капельницы в голову, от которых она сильно плакала, вместе с ней плакала и я...

Узнав о наших проблемах, отец решил разобраться с руководством родильного отделения. В коридоре я слышала, как между собой медсестры делились впечатлениями о каком-то сумасшедшем, устроившем грандиозный скандал у главного врача роддома и начальника управления здравоохранения. По описанию я поняла, что это был мой отец. Впервые его несдержанность была мне в радость...

Пришло время выписываться. Отец встретил меня у выхода огромным букетом алых роз. Он попросил внучку поддержать, потом сказал, что уронит свою Катеньку, потом всё-таки решился нести ребенка до такси. Когда мы доехали до дома, мама спокойно вручила ему мои вещи, взяла малышку, и мы дружной гурьбой поднялись в квартиру...

Через пару дней отец снова уехал в командировку. Мама с головой погрузилась в свою работу. Так что с Катюшкой мы остались вдвоем. Обычные хлопоты молодой мамочки сопровождалась у меня жуткими болями – последствиями кесарева сечения. Стирка пеленок сменялась кормлением и прогулками с коляской. Катюшка росла беспокойным ребенком, всё время капризничала и плакала. Врачи уверяли, что это последствия наркоза, которые к полугоду должны пройти. Но у отца была другая теория: если дочка

плакала, когда отец заходил в комнату, он непременно выскакивал и начинал меня ругать, будто я её смогла настроить против собственного деда, поскольку тот когда-то заставлял меня сделать аборт. Сначала я думала, что отец шутит, говорила, что Катя и без деда плачет, но отец не унимался и постоянно обвинял меня в неправильном воспитании дочери...

Когда Катюшке исполнилось шесть месяцев, в парке я увидела Андрея Сергеевича. Он встретил меня, будто мы не виделись сутки. Обнял и сказал, что давно искал со мной встречи. Попросил посмотреть на дочь. Катя потянула к нему руки, мое сердце сжалось от боли. Он подбросил дочурку вверх к небу, она стала заливаться смехом. Потом внимательно посмотрела на своего отца и маленькими ручками стала трогать его лицо. Из моих глаз невольно потекли слезы. Андрей Сергеевич сказал, что Катя очень похожа на него, и он просто обязан дать фамилию своей дочери, просил прощения за малодушие, признался, что безумно тосковал без меня и умолял дать ему еще один шанс. Мне снова захотелось быть счастливой, просыпаться в объятиях любимого человека, научить дочь слову «папа». Я сдалась и согласилась. Вечером мне предстояло объясниться с отцом...

Шторм в океане казался легким волнением по сравнению с реакцией отца. В него снова вселился бес. Он кричал, ругался, а в конце своей тирады заявил, если я уйду из дома, он меня проклянет. От удивления я на секунду потеряла дар речи. Попыталась привести его в чувство, но это было бесполезно. Обида захлестнула мою душу. Усталость и постоянное напряжение окончательно измотали меня и последние сомнения отступили. Я собрала вещи и через день уехала вместе с Катюшкой туда, где должна была стать счастливой. Мы стали жить вместе с Андреем Сергеевичем.

Отец сдержал свое слово и отказался со мной общаться. С мамой приходилось встречаться тайком. Она просила простить отца, потому что видела, как тот страдает, по вечерам заходит в нашу комнату и часами сидит в темноте, но в моей душе огненными буквами горели слова его проклятия. Через полгода отец сдался и передал через маму, что хочет нас с дочкой видеть.

Дома был накрыт шикарный стол, отец встречал нас у подъезда. За прошедшее время Катя отвыкла от деда, но когда он взял её на руки, капризничать не стала. Отец прижался к малышке, потом потянулся ко мне, чтобы обнять, в его глазах я видела слезы...

Как и прежде, отец не извинился, но я сделала вид, что между нами не было конфликта. Весь вечер дед играл с внучкой, она заливалась от смеха, каталась на его спине. Потом зашел разговор о моей личной жизни. Мне пришлось соврать, что всё в порядке, хотя это было не так. Андрей Сергеевич так и не развелся с женой, часто ночевал вне дома. К Катюшке был равнодушен, старался не утруждать себя домашними хлопотами. Но поскольку я полностью зависела от него, то делала вид, что верю в частые командировки и его плохое самочувствие. Отец настаивать на подробностях не стал, и мы все вместе принялись кушать пирожные, которые я так любила в детстве.

После нескольких лет такой личной жизни я окончательно устала и приняла решение о разрыве. К тому времени Катюшка привыкла к детскому саду, я заочно окончила университет, нашла работу. После очередного уличения во лжи и измене я попросила Андрея Сергеевича собрать вещи и уйти из нашего дома. К моему удивлению он с легкостью собрал вещи и, не сказав ни слова, ушел. Морально я была готова к нашему расставанию, но не ожидала, что ничего не значу в его жизни. Всю следующую ночь я проплакала. Утром позвонила родителям и сообщила о своем решении. Больше всех радовался отец. К вечеру он приехал за нами, чтобы перевести домой. Увы, я быстро поняла, что привыкла жить самостоятельно, без родительских поучений и наставлений, установленных правил поведения и режима. Усадив родителей на диван, я объяснила, что хочу жить самостоятельно, поэтому буду сама снимать квартиру. Отец набрал полный легкого воздуха, чтобы начать возмущаться, но вдруг выдохнул и сказал, что поможет мне купить квартиру. После рождения ребенка это был самый счастливый день в моей жизни.

Отец собрал все сбережения, но нам не хватало примерно четверти суммы для той квартиры, которая всем понравилась. Я набралась смелости и заявила в университет к Андрею Сергеевичу. Войдя без стука, увидела, как декан обнимает какую-то девчонку. Студенточка, смущаясь, выскочила из кабинета, закрыв дверь на замок, я села напротив. И сходу заявила о том, что, если декан не хочет огласки, получения исполнительного листа на вычет алиментов, то обязан представить недостающую сумму денег для покупки жилья для своей дочери. Андрей Сергеевич сказал, что я сильно изменилась, стал хамить и грубить. Мне были безразличны его слова. Дома меня ждала доченька, которая стала смыслом моей жизни. За неё я была готова разорвать глотку любому, даже её отцу. Уходя, я установила срок для передачи денег, вышла из кабинета и не могла поверить в то, что оказалась такой решительной.

Через неделю полная сумма была у меня в руках. Через месяц мы с Катюшкой праздновали новоселье и были обе очень счастливы. По утрам прыгали на диване, по выходным до обеда не заправляли кровати, кушали пиццу, иногда засыпали вместе после просмотра мультфильмов. Моя внутренняя свобода настолько захватила меня,

что я решилась поменять свой имидж. С возрастом мои глаза приобрели зеленоватый оттенок, я решила перекрасить волосы с медно-рыжий цвет. Увидев меня после преображения, Катюшка ахнула и сказала, что я красotka...

Года стали пролетать, словно поезда на вокзале. Катюшка пошла в школу. Отец снова завел старую пластинку про то, что сам найдет мне жениха. Теперь мы с мамой только смеялись над его словами. Любовь уже была в моей жизни, я с трудом избавилась от той тоски, которая сопровождала меня многие годы, и не хотела больше так страдать. Мужчинам, что встречались на моем пути, я больше не верила, сердце закрыла на ключ. С отцом стала реже спорить, старалась проявлять терпение, но наш идейный борец был в споре со всем миром. Работу он давно сменил, стал трудиться ближе к дому. А маму все так же изводил приступами ревности, ссорился по любому поводу с соседями. Друзей он так и не нажил, возмущался из-за несовершенства мира, с родней в той самой деревне не помирился.

Со временем я стала замечать новые таблетки в доме родителей. Отец постоянно возмущался, что мама их принимает. Требовал, чтобы она закалялась, стала бегать по утрам в парке. Но я понимала, что речь идет о серьезных проблемах с сердцем. Мама только отшучивалась, говорила, что у неё длинная линия жизни на ладонях, но просила меня поскорее устроить свою личную жизнь.

Когда мне исполнилось тридцать лет, я поняла, что устала от одиночества, чтения книг и холодной пустой постели. Однажды в офис, где я работала, пришел мужчина, он ошибся адресом. Он никак не мог найти предприятие, которое было по соседству с нашим. Учитывая путаницу в адресе, все привыкли к таким посетителям. Дежурными словами я объяснила, куда ему нужно было повернуть, но впервые решила проводить лично. Мужчина смотрел на меня, не отрывая глаз. Он отметил прекрасный аромат духов, сделал комплимент моим зеленым глазам. Мужчина на вид был старше меня лет на пятнадцать, очень приятной наружности, гладко выбрит, эффектно одет, наверное, был женат. Спутник как будто услышал мои мысли, вдруг остановится и сказал: «Нет, я разведен». Ясновидающий протянул руку и сказал, что его зовут Ярослав. Я покорно протянула ему руку и назвала свое имя. После прикосновения к огромной горячей руке незнакомца мое сердце забилось быстрее, и волнение пробежало по телу. Когда Ярослав прикоснулся к моей руке губами, я перестала дышать, но руку не одернула. Он посмотрел на меня своими зелеными глазами и сказал, что очень спешит, но обязательно придет ко мне завтра...

Весь следующий день я не могла дождаться окончания рабочего времени, смотрела в

окно, ругала себя за легкомыслие, но всё равно ждала. Когда около восемнадцати часов в коридоре я услышала твердые размеренные шаги, характерные для сильного уверенного в себе мужчины, мое сердце затрепетало как птица, попавшая в силки. Оно не ошиблось, это был он, мужчина которого я так долго ждала...

Мама сразу поняла, что я влюбилась, она говорила, что мои глаза стали светиться особым светом, но, узнав, что мой возлюбленный опять старше меня почти на двадцать лет, глубоко вздохнула и сказала, что папа этого не переживет. Наш роман я оставила в тайне от отца, но впереди нас ждали другие испытания. Через год мамы не стало. Она умерла неожиданно, в больнице. На отца было больно смотреть, он не мог поверить, что остался один. Скандалил в больнице, требовал объяснить, почему врачи оказались бессильны, отказался заниматься похоронами, рыдал и не слышал никого вокруг...

Пережить оглушительный удар мне помог Ярослав. Он окружил меня заботой и вниманием и говорил самые нужные слова в то тяжелое время. Через полгода он сделал мне предложение. Я была счастлива, но не знала, как поведет себя отец. Ведь они еще не были знакомы. На мое удивление встреча прошла в спокойной дружеской обстановке. Камень свалился с моей души. Через год мы сыграли красивую, достойную свадьбу. Я была очень счастлива. Рядом был прекрасный мужчина, росла красавица дочка, дом наш был полная чаша. Одно меня сильно огорчало: после смерти мамы отец так и не оправился и стал сильно болеть, часто лежал в больнице, таял на глазах. Правда, его воинственный нрав так и не отступил. Он нашел в себе силы съездить в свою деревню, ни с кем так и не помирился, но был рад, что высказал всем в лицо, что после смерти родителей братья и сестры поделили деньги от продажи дома между собой, забыв про его долю, объясняя, что родители его и так больше всех любили. Мои уговоры забыть обиды и принять всё как есть на отца не действовали. Поездка окончательно пошатнула его здоровье. В больнице он стал вести себя невыносимо, ругался с врачами, говорил, что они бездельники, требовал к себе повышенного внимания, обвинял их в смерти жены. Между посещениями стационара изводил меня звонками и просил чаще навещать его. Я готовила ему обеды, убирала в доме, но видела, что моему родителю стало невероятно сложно жить. Отец почти не вставал, мучился одышкой, его часто покидало сознание, и тогда он начинал заговариваться. Временами он приходил в себя, спрашивал о моих делах, интересовался учебой внучки и делами моего мужа, передавал привет. А потом снова впадал в забытие. Однажды он посмотрел на меня ясными глазами и спросил: «Ты счастлива?» Я ответила: «Конечно». «Это самое главное», — ответил отец, и снова впал в беспамятство. Он умер через два дня. Я нашла его утром на полу в спальне у окна в той самой любимой тельняшке, что подарил ему мой муж на День защитника Отечества...

Мне казалось, уход такого сложного, грубого, не всегда понятного, жесткого, иногда

жестокое неуживчивое человека не принесет мне душевных мук, но я ошиблась. Это потеря не осталась без следа. Мое сердце всё равно страдало. Но теперь со мною рядом были люди, благодаря которым я с легкостью ответила на последний вопрос отца...

Ариша ЗИМА